

УДК 811.1

***СИМВОЛЫ НАДЕЖДЫ СРЕДИ РУИН: ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ В
РАССКАЗАХ ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА «DIE HUNDEBLUME» И «DIE
KÜCHENUHR»***

Иванова Н.А.

к.ф.н., доцент,

Государственный гуманитарно-технологический университет,

Орехово-Зуево, Россия

Кириллова И.С.

Студент,

Государственный гуманитарно-технологический университет,

Орехово-Зуево, Россия

Аннотация. Статья анализирует два известных коротких рассказа Вольфганга Борхерта — яркого представителя немецкой «литературы руин» (Trümmerliteratur). На примере «Die Hundeblyume» и «Die Küchenuhr» рассматриваются ключевые черты его стиля: лаконичность, символизм обыденных вещей, внутренний монолог и гуманистический протест против войны, насилия и обезличивания человека. Особое внимание уделяется художественным приёмам, через которые автор передаёт хрупкость надежды в мире послевоенных руин.

Ключевые слова: Вольфганг Борхерт, Trümmerliteratur, Die Hundeblyume, Die Küchenuhr, символизм, короткий рассказ, послевоенная немецкая проза, художественные средства.

***SYMBOLS OF HOPE AMID THE RUINS: STYLISTIC FEATURES IN
WOLFGANG BORCHERT'S STORIES «DIE HUNDEBLUME» AND «DIE
KÜCHENUHR»***

Ivanova N.A.

PhD,

State university of humanities and technology,

Orekhovo-Zuyevo, Russia

Kirillova I.S.

student,

State university of humanities and technology,

Orekhovo-Zuyevo, Russia

Annotation. The article analyzes two well-known short stories by Wolfgang Borchert, a prominent representative of German “rubble literature” (Trümmerliteratur). Using the examples of “Die Hundebblume” and “Die Kuchenuhr,” it explores the key features of his style: extreme conciseness, symbolism of everyday objects, interior monologue, and humanistic protest against war, violence, and depersonalization. Special attention is paid to the artistic devices through which the author conveys the fragility of hope in a postwar world of ruins.

Keywords: Wolfgang Borchert, Trümmerliteratur, Die Hundebblume, Die Kuchenuhr, symbolism, short story, postwar German prose, artistic devices.

Вольфганг Борхерт прожил всего двадцать шесть лет, но успел стать одним из самых узнаваемых голосов поколения, пережившего Вторую мировую войну. Фронт, тюрьма, тяжёлая болезнь — всё это легло в основу его творчества, которое принято относить к «литературе руин» (Trümmerliteratur). Борхерт писал коротко, жёстко и без лишних слов. Его рассказы — это

попытка сказать правду о человеке, оказавшемся среди развалин не только городов, но и собственной жизни.

Рассказы «**Die Hundeblyume**» (1946) и «**Die Kuchenuhr**» (1947) хорошо показывают, как Борхерт работает с формой короткого рассказа. Оба текста лаконичны, сосредоточены на одном герое и одном ключевом событии. Нет длинных описаний, нет развёрнутой предыстории — только то, что необходимо, чтобы передать внутреннее состояние человека.

В рассказе «**Die Hundeblyume**» герой — заключённый без имени, обозначенный лишь номером 432. Камера, тяжёлая дверь, ежедневные прогулки по кругу во дворе — всё это говорит о том, что перед нами замкнутое пространство. Герой живёт в постоянном страхе и одиночестве. Переломный момент наступает, когда среди мёртвого пространства тюремного двора он замечает жёлтый цветок — обычный одуванчик, который немцы называют *Hundeblyume*. Тайком сорвать его и принести в камеру становится для заключённого настоящим вызовом. Цветок словно оживает: герой разговаривает с ним, как с близким. Через этот символ Борхерт показывает, что даже в самых тяжёлых условиях человек способен сохранить внутреннюю свободу и способность радоваться жизни. «Цветок превращается для героя в живое существо, почти в возлюбленную, наполняя камеру теплом и надеждой» [1, с. 45].

Борхерт активно использует лексические приёмы, чтобы усилить эмоциональное воздействие. Особенно заметно олицетворение (*Personifikationen*): «*Nacht kroch über den Hof*» («Ночь ползла по двору») и «*Sonne zog ihre Finger zurück*» («Солнце убрало свои пальцы») [2, с. 47]. Эти образы делают пространство камеры живым и враждебным, будто сама природа участвует в тюремной драме. Метафоры и эпитеты подчёркивают контраст: «*kleine gelbe Hundeblyume*» («маленький жёлтый одуванчик») — эпитет «gelbe» (жёлтый) несёт символику жизни и тепла среди серого, мёртвого пространства. Цветок становится аллегорией внутренней свободы:

он — единственное живое существо в мире, где всё подчинено системе. Внутренний монолог героя построен как разговор с самим собой и с читателем. Синтаксис здесь сложнее, чем в других его текстах: появляются длинные предложения с придаточными, будто герой пытается осмыслить и удержать этот редкий момент тепла [3, с. 52].

В рассказе «**Die Küchenuhr**» действие происходит уже после войны, в разрушенном городе. Молодой парень с «*совсем старым лицом*» подходит к людям на скамейке и показывает им сломанные кухонные часы. Стрелки остановились на половине третьего — именно в это время он раньше возвращался домой поздно ночью, а мать всегда ждала его на кухне и готовила поесть. «Так поздно опять», — говорила она, но никогда не упрекала настоящего. Для героя эти часы — единственное, что осталось от прежней жизни. «*Innerlich ist sie kaputt, das steht fest. Aber sie sieht noch aus wie immer. Auch wenn sie nicht mehr geht*» («Внутри они сломаны, это точно. Но выглядят они всё так же. Хотя и не идут больше») [2, с. 78].

Здесь Борхерт тоже мастерски работает с лексикой. Персонификация (Personifikation) часов особенно заметна: герой обращается к ним как к живому существу — «*weißblaues rundes Gesicht*» («бело-голубое круглое лицо»). Часы получают человеческие черты, становятся собеседником и хранителем памяти. Метафора «*innerlich kaputt*» (внутренне сломаны) напрямую переносится на героя: внешне он выглядит нормально, но внутри — пустота и боль. Это одновременно и аллегория утраченного «рая» — довоенной семейной жизни. Эпитеты простые, но точные: «*ganz altes Gesicht*» («совсем старое лицо») подчёркивает преждевременную старость послевоенного поколения. Автор снова отказывается от имён: персонажи вокруг — просто «женщина с коляской», «мужчина». [8, с. 112]. Они не смотрят на героя, отводят глаза. Прямая речь без кавычек смешивает голос рассказчика и героя, создавая ощущение непосредственности и усиливая одиночество среди людей.

Стиль Борхерта часто сравнивают с манерой Василия Гроссмана и Сэмюэла Беккета. Как и у Гроссмана в «Жизни и судьбе», Вольфганг Борхерт показывает, как тоталитарная система пытается уничтожить человеческую индивидуальность, сводя человека к номеру или к молчаливой тени. Однако если Гроссман рисует широкую панораму войны и лагерей, то Борхерт концентрируется на одном мгновении и одном маленьком предмете — цветке или часах, — который вдруг становится центром сопротивления. С Беккетом Борхерта роднит предельная скупость средств и ощущение абсурда существования. Герои Беккета тоже ждут в пустоте («В ожидании Годо»), но у Борхерта даже в этой пустоте остаётся слабый, но настоящий проблеск надежды. Беккет доводит абсурд до философской безысходности, а Борхерт оставляет место для тихого человеческого тепла [5, с. 67].

Оба рассказа объединяет важная мысль: настоящая трагедия войны — не только в разрушенных домах, но и в разрушенных душах. Борхерт показывает, как человек пытается сохранить достоинство через маленькие, почти незаметные вещи — цветок или остановившиеся часы. Эти символы становятся актом тихого сопротивления обезличиванию и отчаянию. [4, с. 51].

Стиль писателя узнаваем сразу. Он сознательно выбирает простой язык, избегает красноречия и сложных конструкций. Как отмечал сам Борхерт, литературе того времени нужны были не «поэты с хорошей грамматикой», а те, кто говорит прямо и ясно [7, с. 113]. Повторы, градация, олицетворения и внутренний монолог помогают передать напряжение и эмоциональные всплески. Пространство в рассказах всегда тесное и замкнутое — камера, тюремный двор, скамейка среди руин. Время субъективно: оно то тянется бесконечно, то сжимается до одного важного мгновения.

Сегодня рассказы Вольфганга Борхерта читаются не только как документы эпохи, но и как универсальные истории о хрупкости человеческого достоинства. В мире, где человек снова и снова оказывается перед лицом

насилия и потерь, его умение находить надежду в самом малом остаётся удивительно точным и современным.

Библиографический список

1. Бондарева Н.А. Творчество В. Борхерта и послевоенная немецкая проза // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 3. С. 10–25.
2. Борхерт В. Das Gesamtwerk / Hrsg. von Michael Töteberg. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2007.
3. Горбачевская С.И. Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. 2022. № 2. С. 70–85.
4. Кондратенко П.И. «Три тёмных волхва» Вольфганга Борхерта: рождественский рассказ в традициях «литературы руин» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 45–56.
5. Крашенинников А.Е. Категория чужести в творчестве В. Борхерта // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (128). С. 18–27.
6. Платицына Н.И. «Свобода должна быть основным условием всей моей жизни»: тюремные истории в творчестве Вольфганга Борхерта // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 40–58.
7. Rühmkorf P. Wolfgang Borchert. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1961
8. Warkentin E. Unpublishable Works: Wolfgang Borchert's Literary Production in the Third Reich. Columbia: Camden House, 1997.